

ИЗ ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

А. А. ШИЯК

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ АФРИКАНИСТИКИ

Расовой теории — этой лженаучной концепции о «высших» и «низших» расах, основываясь на которой фашистские людоеды подвергли весь мир небывалым разрушениям, а миллионы людей невероятным мучениям и истреблению, — уже свыше 90 лет. Датой ее рождения следует считать 1854 год — год выхода в свет сочинения графа Гобино «О неравенстве человеческих рас»¹. Но отдельные реакционные взгляды и рассуждения о существовании людей высшей и низшей породы высказывались и в трудах более ранних авторов.

Были, конечно, и высказывания противоположного характера — о том, что все люди — братья, что все они являются членами единой общечеловеческой семьи и т. д. Отличительной чертой обоих этих направлений было то, что они не выходили¹ из рамок общих рассуждений. Ни те, кто утверждал существование высших и низших рас (за единичными исключениями), ни те, кто их отрицал, не пытались научно обосновать свои высказывания.

Что касается противников мнения о расовой градации человечества, то они во многих случаях ограничивались в качестве аргумента ссылками на Библию, которая-де ясно говорит, что все люди равны, ибо все они явились результатом одного и того же творческого акта создателя. Аргументация этого рода получила особенно широкое распространение и развитие в английской и американской аболиционистской литературе первой половины XIX в.² Отдавая должное добрым намерениям авторов и не отрицая положительного значения этой литературы и той прогрессивной роли, которую она сыграла в политической борьбе за освобождение негров в Америке, надо признать ее негодность в качестве оружия в идеологической борьбе против расистов того времени.

При такой слабости позиции значительного числа антирасистов в середине XIX в. чрезвычайно знаменательно появление в Петербурге, в январе 1849 г., книги русского автора, содержащей такие высказывания по поводу учения о «высших» и «низших» расах, которые не только опередили антирасистскую литературу того времени (не знавшего еще капитальных трудов Дарвина и Моргана, Маркса и Энгельса), но и на

¹ A. Gobineau. Essai sur l'inégalité des races humaines. Paris, 1854, 4 vol.

² В качестве типичного примера этого рода литературы см. W. Armistead. A Tribute to the Negro. Philadelphia, 1848.

сегодняшний день не утратили своей свежести и актуальности. Я имею в виду книгу горного инженера, путешественника-исследователя Егора Петровича Ковалевского: «Путешествие во Внутреннюю Африку».

Е. П. Ковалевский родился в 1811 г. в селе Ярошовке, Харьковской губернии. Окончив в 1829 г. Харьковский университет, поступил на службу в Горный департамент. Сначала он произвел некоторые исследования на Алтае и на Урале. Но он мечтал о дальних исследовательских путешествиях. В 1839 г. он добился командировки в Черногорию для исследования ее горных богатств, а в 1839—1840 гг. участвовал в экспедиции в Хиву. Наконец, в 1847 г. Е. П. Ковалевский получил возможность сделать самостоятельное путешествие большого значения: по приглашению хедива Египта Мухаммеда-Али он поехал в Северо-Восточную Африку и предпринял исследовательское путешествие в Судан. Отправившись из Хартума, Ковалевский поднялся вверх по Голубому Нилу и проник в пограничный район Восточного Судана и юго-западной части Абиссинии. Когда он достиг истоков р. Тумат, проводники его заявили, что дальше этой реки нет никакой дороги. Тогда он, оставив верблюдов, решил идти пешком в глубь Африки. После утомительного и крайне опасного перехода он достиг земли галла, куда до него тщетно старались проникнуть многие путешественники³.

Свое путешествие Е. П. Ковалевский использовал главным образом для геологических исследований. Свои странствования по Африке он изложил в указанном выше двухтомном сочинении. Эта работа Ковалевского, хотя и не переведенная на иностранные языки, была замечена зарубежными географами. Уже в 1850 г. французский географ Тремо опубликовал статью о местонахождениях золота в Восточном Судане, основываясь целиком на исследованиях Ковалевского⁴.

После своего возвращения из Африки Е. П. Ковалевский совершил второе большое путешествие — в Китай и в 1853 г. опубликовал трехтомное сочинение: «Путешествие по Китаю». В 1855 г. Ковалевский был в числе защитников Севастополя и, состоя при штабе главнокомандующего, князя Горчакова, собирал материалы для истории Крымской войны. После войны он служил в министерстве иностранных дел, где был директором азиатского департамента. Наряду с этим принимал деятельное участие в работе Русского географического общества, вице-председателем которого состоял с 1856 по 1862 г.⁵

Е. П. Ковалевский не был ни этнографом, ни географом. Исследования, произведенные им в районе Голубого Нила и в юго-западной Абиссинии, касались геологии этих районов. Основные результаты этих исследований он вкратце изложил в «Прибавлении» к своей книге о путешествии в Африку под заголовком: «Нильский бассейн в геологическом отношении и золотосодержащие россыпи Внутренней Африки»⁶. В самой же книге он дает отчет о пройденных им районах не как исследователь-геолог, а как путешественник с большой эрудицией и острым глазом, сообщая свои наблюдения о географических, климатических и тому подобных особенностях пройденных им районов, о характере населяющих эти районы племен, а также собранные им сведения по истории этих областей и населяющих ее народов. Наблюдения эти имеют описательно-повествовательный характер, ибо автор не ставил себе задачей проведение этнографических или исторических исследований.

³ См. Н. К. Лебедев. Завоевание земли, т. III, М., 1925, стр. 143 и сл.

⁴ Р. Тремауг. Note sur la localité où sont situées des principales mines d'or du Soudan Oriental. Bull. de la Société de géographie, 1850, t. I.

⁵ Н. К. Лебедев. Указ. соч., стр. 144.

⁶ Е. П. Ковалевский. Путешествие во Внутреннюю Африку. т. II, СПб, 1849, стр. 171—197.

Но даже в повествовательных главах книги (написанных весьма живо и интересно) Е. П. Ковалевский не раз мимоходом приводит такие факты и наблюдения, которые имеют большую ценность для выяснения этнографического профиля или исторического прошлого того или иного африканского народа, для разрешения той или иной общей проблемы по этнографии Африки. Достаточно указать на наблюдения Е. П. Ковалевского о пережитках матриархального строя у племени гамедж («гамед») ⁷ или на установление им факта наступления половой зрелости у негритянских девушек в возрасте 10—11 лет и опровержение им на основе своих наблюдений положения Притчарда ⁸ о совпадении срока наступления половой зрелости женщины у всех народов ⁹.

Но значение труда Ковалевского, его большая ценность с точки зрения этнографической науки, заключается не в этих повествовательных главах его книги, а в замечательной VII главе II тома, носящей заголовок: «Негры». Глава эта дает беспримерный для того времени критический разбор расистской точки зрения на негров.

Начинает автор с того, что с возмущением отвергает ходячий взгляд на негров как на «низшую расу».

«Есть люди,— пишет он,— которые и теперь еще, вслед за Монбодо и Руссо, ставят негра на последней ступени человеческого рода, служащей переходом к породам обезьян; еще недавно видели мы подобное мнение в иностранных периодических изданиях; некоторые, как увидим, в припадке самолюбия и гордости, готовы совсем его сбросить с той лестницы, наверху которой определили место для себя». ¹⁰

Какие же аргументы приводит Е. П. Ковалевский против этого взгляда?

Верный духу своего времени, Ковалевский анализирует аргументы «от религии» и бьет авторов этих аргументов, например Эскироса ¹¹, их же собственным оружием — ссылкой на Библию, внося в эту свою ссылку объективный элемент.

«Esquiros утверждает, что само провидение сохраняет некоторые племена под печатью отвержения, чтобы впоследствии ввести их в человечество, как новый элемент жизни. Видите ли, все это материал для пользы привилегированного человечества! Но мы уверены, что провидение не имеет надобности прибегать к подобным мерам, осуждая на вечные страдания одну часть людей..

...Вообще, эта градация людей не принадлежит человеку и не совместна с тем братством, которое заповедано ему словами евангелия, она только выказывает непреклонный эгоизм и самодовольное заблуждение людей, которые считают себя привилегированной кастой человечества» ¹².

Переходя к разбору «научной» аргументации сторонников неполноценности негров, Ковалевский опровергает концепцию о неграх как о «низшей расе» и тем самым концепцию той расовой теории, которая еще нарождалась (книга Е. П. Ковалевского вышла в свет за 5 лет до появления сочинения графа Гобино). Сначала Ковалевский берет аргументы биологического характера:

«Утверждают, будто организм негра несовершенно и приближает его скорее к обезьяне, чем к человеку; это обвинение, столь важное, лежащее на огромной части семьи человеческой, требует рассмотрения не только исторического, но и физиологического». ¹³

⁷ Там же, стр. 85.

⁸ Ковалевский ссылается на его книгу: «The Natural History of Man», London, 1843, стр. 483 и сл.

⁹ Е. П. Ковалевский. Указ. соч., т. II, стр. 92—93.

¹⁰ Там же, стр. 86.

¹¹ Alphonse Esquiros. Histoire des races, 1848.

¹² Е. П. Ковалевский. Указ. соч., т. II, стр. 86—87.

¹³ Там же.

Е. П. Ковалевский подчеркивает свое принципиальное положение, что факт различия в цвете кожи не может быть доводом против единства человеческого вида.

«Указывают на цвет кожи как на первый пункт этого обвинения. Действительно, Мальпигиева плева, содержащая в себе окрашивающее вещество нашей кожи и лежащая между кожей (epidermis) и кожей, у негров черного цвета: но построение ее такое же, как у нас». ¹⁴ (разрядка моя.— А. Ш.)

Затем Ковалевский задается вопросом о причинах черного цвета кожи негров. Здесь на автора еще сильно давит наследие метафизического мышления; для него вопрос стоит еще так: наследственность или изменчивость? («Вопрос далеко не решенный: есть ли это влияние климата или врожденное свойство?») ¹⁵. Вопросы о возможности наследования приобретенных признаков Ковалевский даже не ставит. Но в своей трактовке этой проблемы он подчеркивает важное значение влияния среды на образование физических признаков и, в частности, на изменение цвета кожи. Он приводит пример арабов, поселившихся в Сеннаре, цвет кожи которых очень мало отличается от цвета кожи негров.

«Вообще, опыт показал,— продолжает он,— что белые племена, перенесенные в жаркий экваториальный климат, переходя из поколения в поколение, даже не соединяясь с другими племенами, наконец принимают цвет кожи, близкий к черному». ¹⁶

Ковалевский, однако, далек от того, чтобы обобщить приведенный им пример и сделать из него необоснованный общий вывод. Тут же он сам приводит и факт противоположного порядка, а именно: у негра, даже если он живет на севере, цвет кожи без смешения с белыми не изменяется. Но из этого факта он вовсе не делает (как это сделали Обер-Рош и Чельшер, т очку зрения которых он приводит) ¹⁷ реакционного вывода о врожденности и неизменяемости цвета кожи негра и о том, что «с самого начала существовали люди белые и черные». Наоборот, Ковалевский категорически отвергает эту точку зрения, как ни на чем не основанную, как положение, опровергаемое историческими фактами, говорящими о действительных случаях изменения цвета кожи в то время, как наблюдаемая в других случаях устойчивость цвета кожи не может служить доказательством обратного, поскольку причины этой устойчивости не выяснены.

«Какие исторические доводы можно представить в противоположность сказаний, которые с такой точностью подтверждаются местными указаниями? Ровно никаких; между тем, как вопрос физиологический, сам по себе взятый, еще далеко не достиг своего развития и требует многих опытов для пояснения». ¹⁸

В отношении исследований, которые должны быть предприняты для выяснения причин устойчивости черного цвета кожи у негров, Ковалевский высказывает мысль о необходимости более широкой постановки вопроса о влиянии естественной среды, о необходимости не ограничиваться исследованием влияния климата, а учесть всю совокупность природных факторов, связанных с определенной средой.

¹⁴ Там же, стр. 88.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Он ссылается на статью Обер-Роша: «Essai sur l'acclimatement des Européens dans les pays chauds» (Annales d'Hygiène publique, t. XXXI) и на книгу Чельшера. «Egypte en 1845», стр. 274.

¹⁸ Е. П. Ковалевский. Указ. соч., т. II, стр. 89.

«Мы обыкновенно придерживаемся в этом случае одного климатического влияния; но почему знать, нет ли других причин, местных или физических, как и должно полагать, препятствующих к переходу черного цвета в белый». ¹⁹

Наконец, ссылаясь на работу академика Бэра «О влиянии внешней природы на социальные отношения отдельных народов и историю человечества» (помещенную в «Карманной книжке для любителей земледения», изданной Русским географическим обществом в 1848 г.), Ковалевский задает вполне логичный и законный вопрос:

«Если высшие социальные отношения народа, очевидно, могут зависеть от влияния местного характера страны, то почему же физическая судьба народа не может определяться природой занимаемой им местности?» ²⁰

Перейдя к аргументам современных ему расистов относительно «сжатости черепа негра вверху», Ковалевский указывает, что существенным, решающим моментом является не форма черепа, а «количество заключающегося в черепе мозга», но здесь существенной разницы между негром и белым человеком нет.

Аргументы от «безобразности черт лица» и вообще от формы лица Ковалевский отмечает, заявляя:

«Понятие о красоте совершенно условно; предрассудки и навыв глаза в этом случае часто вводят нас в заблуждение». ^{21 22}

С негодованием Ковалевский отвергает аргумент об особом «негритянском запахе», отрицая расовый характер этого запаха и указания на конкретные бытовые факты, могущие породить специфический запах у некоторых негров, а также и на то, что при других бытовых условиях этого запаха нет.

«Говорят, что негры от рождения издают от себя неприятный, им одним да некоторым животным свойственный запах. Странно, но это почти всегдашнее обвинение народа, который хотят унижить, уничтожить; так, с давних времен укоряли в этом же несчастных каготов... укоряют и поныне цыган и евреев. В подтверждение такого обвинения приводят чутье собак, употребляемых для охоты за злополучными неграми. Не говорю о зверском обычае европейских колонистов, упражняющихся в подобном промысле, на который не решится негр, но замечу, что даже и в самом изобретении его мало остроумия; собаку легко приучить по чутью узнавать невольника, потому что все негры натирают свое тело известным составом жира... Утверждают, будто торговцы невольниками по запаху узнают доброту своего товара... Но сколько я ни видел торговцев невольниками, ни один из них не довольствовался таким способом при покупке негров, напротив, он подвергал их самому тщательному осмотру, точно опытный ремонтер, покупающий лошадей... Можем уверить, что негр, взятый ребенком в дом европейца, так же чист и опрятен, как европейский слуга: живым доказательством может служить находящийся при мне негр». ²³

Для обоснования своего опровержения этого «аргумента от собак» Ковалевский приводит факт, что собаки Константинополя знают не только собак, но и людей своего квартала и не трогают их, что в Каире каждая собака даже ночью отличит турка от европейца и кидается на последнего; наконец, Ковалевский иронически добавляет:

«Я знал одного француза, который приучил свою собаку отличать иезуитов и кидаться на них при встрече; это несколько потруднее». ²⁴

Против пустых разглагольствований путешественников и ученых о «странности» и «дикости» африканских обычаев Е. П. Ковалевский

¹⁹ Е. П. Ковалевский. Указ. соч., т. II, стр. 89.

²⁰ Там же.

²¹, ²² Там же, стр. 90.

²³ Там же, стр. 90—92.

²⁴ Там же, стр. 91.

выставляет положение об относительности понятий о приличии, вежливости и т. д.

«Я вас спрашиваю, например, чем лучше наш обычай целования, прижимания и трения губ одного губами другого, чем лучше, говорю, этот способ выражения ласки и радости при свидании, трения носами друг друга, которое в обычае между многими дикими, а между тем мы смотрим с умилением на обряд целования и смеемся над дикими, которые трутся носами и в свою очередь подсмеиваются над нами». ²⁵

Ковалевский указывает, что у разных негритянских племен приняты самые разнообразные способы приветствия: одни из них обнимаются, у многих племен издавна принятым приветствием (вовсе не заимствованным у европейцев, а традиционным) является рукопожатие; есть и такие племена, например бари на Белом Ниле, у которых люди в знак приветствия и уважения плюют друг другу в лицо ²⁶.

Одной из характерных черт африканистики (не только XVI—XVIII вв., но и XIX в.) является некритическое отношение ко всяким слухам и сообщениям о дикарских нравах и обычаях африканцев (в первую очередь о каннибализме и человеческих жертвоприношениях) и легкомысленное воспроизведение этих слухов и сообщений не только в книгах путешественников-авантюристов, но и в более солидных трудах путешественников-исследователей, носящих в основном серьезно-научный характер. Те же немногие из путешественников и исследователей, которые остались свободными от этой тенденции, впадали обычно в другую крайность: в своем «гуманистическом» стремлении к защите «несчастных негров» они обычно объявляют выставленные против африканцев обвинения в каннибализме и в других диких обычаях злостной выдумкой, совершенно пренебрегая фактами ²⁷. Вплоть до конца XIX в. все еще был редким исключением беспристрастный, объективно-научный подход к изучению африканских народов, основывающийся свои выводы на добросовестной личной проверке фактов и на критическом подходе ко всяким сообщениям, получаемым из вторых рук.

Одним из немногих авторов, не поддававшихся слухам, не увлекавшихся «гуманистическими» намерениями и ни на минуту не выпускавших из своих рук оружия критики, был Ковалевский. Констатируя факт распространения слухов о каннибализме негров, он высказывает свои сомнения, а именно: 1) у негритянских народов, обитающих в исследованной им лично довольно обширной области между Белым и Голубым Нилом (Сеннарский полуостров), он никаких следов каннибализма не нашел; 2) путем личного общения с рядом негритянских племен он установил, что «сами негры с омерзением говорят об антропофагах» ²⁸. Однако Е. П. Ковалевский не считал возможным (подобно некоторым, менее скрупулезным авторам) сделать из этого обобщающий вывод о неправильности сообщений о каннибализме негров.

«В истине этого факта можно сомневаться, — говорит он по поводу слухов о каннибализме ньям-ньям, — но отвергать совершенно — нельзя, потому что почти все негры и некоторые купцы-арабы говорят о нем». ²⁹

Логический вывод: слухи о каннибализме того или иного негритянского племени требуют в каждом отдельном случае тщательной проверки.

²⁵ Там же, стр. 105.

²⁶ Там же.

²⁷ В качестве характерного примера см. рассуждения французского офицера L. Degrandpré, высказанные им в «Введении» к своей книге «Voyage à la côte occidentale d'Afrique, fait dans les années 1786 et 1787 etc.», Paris, 1801, 2 vols., t. I, p. IV—XIII.

²⁸ Е. П. Ковалевский. Указ. соч., стр. 101.

²⁹ Там же.

В то же время установленные Ковалевским два факта (отсутствие каннибализма у племен Сеннарского полуострова и отвращение у многих негритянских племён к каннибализму) дают ему основание и для другого вывода: что каннибализм представляет собой не общее явление у негров, не правило, а исключение³⁰. Наличие каннибализма требует конкретного объяснения причин, его порождающих. Сам Ковалевский не смог дать удовлетворительного объяснения. Высказанная им мысль, что употребление человеческого мяса в пищу является, быть может, плодом болезненного, противоестественного влечения, является лишь указанием на одно из возможных объяснений.

Эта гипотеза Ковалевского, конечно, неправильна прежде всего методологически, так как социальное явление каннибализма не может быть объяснено из одной естественной причины, без учета его социальных корней. Но, несмотря на свою неправильность, даже это предположение Ковалевского показывает, что автор категорически отвергает мысль об объяснении каннибализма негров из общего для всех них «духовного расового характера» и считает необходимым искать конкретные причины конкретных случаев каннибализма у отдельных негритянских племен.

Далее Ковалевский переходит к вопросу о человеческих жертвоприношениях у негров. Он полемизирует с Комбом, который в своем отчете о путешествии по Египту и Нубии³¹ утверждал, что в Дарфуре в честь какого-то божества ежегодно торжественно (в присутствии султана и духовенства) закалывали мальчика и девушку. При этом Комб сам не бывал в Дарфуре, а сообщил об этом заклании лишь понаслышке. Ковалевский ставит это сообщение Комба под сомнение, ибо дарфурцы — ревностные мусульмане, мусульманская же религия, как известно, не признает человеческих жертвоприношений (Ковалевский приводит соответствующее место из Корана).

Не ограничиваясь высказыванием своего сомнения, в противовес сообщению Комба, Ковалевский ссылается на свидетельство ряда богомольцев и купцов, приехавших в Египет из Дарфура, которых он расспрашивал по этому вопросу и которые единогласно «со смехом отвергают басню Комба»³². При этом Ковалевский руководствуется не желанием обелить дарфурцев, а добросовестным стремлением научного исследователя к истине, к точному установлению фактов. Высказывая свои сомнения относительно того, имеют ли место человеческие жертвоприношения у дарфурских мусульман, Ковалевский тут же свидетельствует об умерщвлениях дарфурскими властителями своих братьев-соперников и упоминает, что у некоторых языческих племен Дарфура наблюдались случаи людоедства.

Сомнение, высказанное сто лет тому назад Ковалевским насчет человеческих жертвоприношений у дарфурских мусульман, и поныне нельзя считать вполне разъясненным. Правда, один из более поздних и более серьезных авторов — Вернер Мюнцингер — повторяет сообщение Комба о человеческих жертвоприношениях в Дарфуре, с той только разницей, что вместо мальчика и девушки у Мюнцингера говорится о двух братьях-юношах, которых убивали при вступлении нового султана на престол и в других торжественных случаях, причем султан и высшие сановники ели мясо убитых юношей³³.

Однако ни у арабских авторов, писавших о Дарфуре, ни у ряда европейских авторов XIX и XX вв. об этом мнимом обычае дарфурских мусульманских султанов нет упоминания. Наоборот, почти все они от-

³⁰ Там же.

³¹ E. Combes. Voyage en Egypte, en Nubie etc., Paris, 1846, 2 vols.

³² Е. П. Ковалевский. Указ. соч., т. II, стр. 102.

³³ См. Werner Münzinger. Ostafrikanische Studien, 1864.

мечают ревностную мусульманскую религиозность дарфурских султанов конца XVIII и начала XIX в., что совершенно несовместимо (как вполне правильно указал Ковалевский) с открытой практикой языческого обряда.

В книге Ковалевского, кроме критического разбора теорий расистских авторов, находим и его личные взгляды относительно негров.

Сначала он дает вполне объективное описание физического типа негра, отмечая и «красивые» и «безобразные» (с точки зрения европейцев) черты этого типа.

«Негры вообще сложены очень хорошо; члены их, не знающие никакого принуждения, насилия, развиты правильно, соразмерно; тело, беспрестанно натираемое жиром, имеет гладкую, матовую, как черная лайка, кожу; оно нежно и упруго, как у молодой женщины. Мужчины многих племен, особенно живущих ближе к экватору, очень высокого роста; есть между ними настоящие голиафы... Негритянки, переступившие двадцатилетний возраст, большей частью некрасивы: члены их, предоставленные совершенной свободе, под влиянием раскаленного солнца, грубеют; тело и особенно груди опускаются, живот отвисл; но девочки десяти-одиннадцати лет очень грациозны; это период их полного развития...»

...Особенно безобразны негры торчащие вперед зубы и, вследствие этого, отвислые губы; причиной этого... выдававшаяся нижняя челюсть; но зубы, ровные и белые, как будто выточенные из слоновой кости, но влажные, большие черные глаза и, наконец, тихая задумчивость, кротость, отражающаяся в верхней части лица, скрывают этот недостаток, который, впрочем, у многих не так ощутителен». ³⁴

Перейдя к характеристике духовных и умственных качеств негра, Ковалевский держится такой же объективности, давая правдивую положительную оценку негра.

«Негры добры по преимуществу и гостеприимны; в противность всем диким племенам, они незлопамятны, и кровомщение у них почти неизвестно...»

...Негр привык думать и размышлять; вопрос ващ он обнимает быстро; память его светла; скоро выучивается арабскому языку и вообще очень понятлив; он находится в состоянии детском, и, если поведете его благоразумно, можете из него сделать много доброго...

...Он чужд первых понятий, первых идей людских, но развитый под влиянием природы, знает много тайн ее; свойства трав и корней, течение некоторых светил небесных..

...своим развитием он обязан доброй природе и врожденным способностям, которые у негров не только не ниже, чем у других людей, но выше, чем у многих...

...в их нравах вообще мало возмущающего душу, не то, например, что у соседей их, арабов, которые гордятся своей верой и коричневым цветом кожи, за неимением белой». ³⁵

Давая неграм такую характеристику, Ковалевский в то же время ни на минуту не теряет объективности научного наблюдателя. Говоря о физических недостатках или об отрицательных духовных чертах негра, он всегда ищет причины, их вызывающие, и с поразительной для того времени ясностью и решительностью находит эти причины в социальной области.

«Весьма далек я от того, чтобы быть слепым защитником негров, но я защищаю человека, у которого хотят отнять его человеческое достоинство и выставляют, вместе с тем, все его пороки, как неизбежную принадлежность народа покинутого, презренного; он менее виноват в своих пороках, чем другие, вполне сознающие их... Их дурные качества происходят решительно от внутреннего неведения». ³⁶

В расистской литературе новейших времен в качестве одного из доводов в пользу неполноценности «низших рас» часто встречается аргумент, что эти «низшие расы» якобы сами сознают свою неполно-

³⁴ Е. П. Ковалевский. Указ. соч., т. II, стр. 92—93.

³⁵ Там же, стр. 93—94, 103—104.

³⁶ Там же, стр. 92—93.

ценность. Известный противник расовой теории австрийский ученый Фридрих Герц в своей книге «Раса и культура»³⁷ отвергает этот аргумент, указывая на то, что вера в свою собственную неполноценность вырабатывается у угнетенных рас лишь под влиянием угнетающей расы. Утверждение о сознании «низшими расами» своей собственной неполноценности выдвигалось сторонниками расовой концепции уже сто лет тому назад, судя по тому, что и Ковалевский нашел необходимым реагировать на него, высказывая (задолго до Герца) ту же мысль о производном характере этого явления. Но в отличие от Герца, который видит в этой уверенности «низших рас» в своей неполноценности реакцию на расовую идеологию угнетателей, Ковалевский рассматривает эту веру как реакцию на самый факт угнетения. Вот что он говорит:

«Отчего же этот жестокий жребий пал именно на негров? Не заключается ли причина этого глубокого унижения народа в нем самом в том, что сами негры считают себя созданиями низшей породы, как будто отмеченными свыше цветом кожи, и покоряются своему рабству без ропота, как предназначенные к нему? Продолжительным сравнением племен свободных с племенами, покоренными чужеземной власти, мы убедились, что это не причина, а следствие постоянного угнетения людьми другого цвета кожи».³⁸ (разрядка моя — А. Ш.).

Не могу не привести полностью концовку, которой Е. П. Ковалевский завершает свои рассуждения о неграх и о мнящих себя «высшей расой» европейцах.

«В заключение всего сказанного нами о неграх вспомним, чем были они некогда. Мы не станем утверждать со многими другими, что эфиопская династия, давшая трех фараонов древнему Египту, была негрского племени, мнение, которое... мы не вполне разделяем; но благодаря изысканиям Шамполлиона младшего и по собственному своему глубоко убеждению положительно можем сказать, что негры во времена фараонов играли важную политическую роль. Не будем говорить о сохранившихся статуях и барельефах в египетских храмах, напоминающих сильно негритянский характер, скажем только, что по изысканиям Шамполлиона младшего положительно известно, что мать Аменофиса III, жена Тутмосиса IV, известная под именем Тмау-Гемза, была негритянка. Шамполлион видел портрет этой царицы в гробнице в Фивах и относит царствование ее к 1687 году до христианской эры.

Далее укажем еще один факт: в гробницах Бибан-эль-Молук в Фивах изображен целый ряд фигур, повидимому разноплеменных. «Рассматривая их,— говорит Шамполлион младший,— я убедился, что тут хотели изобразить обитателей четырех частей света, расположенных по древней системе Египта: 1) жители Египта, по скромному понятию древних народов составлявшие одну часть света, 2) за ними шли собственно жители Африки, негры, 3) азиатцы и, наконец, 4) (я стыжусь сказать, что наше племя следует последним в этом ряду) европейцы».

Нечего подробно рассматривать черты лица второго ряда фигур схваченных, впрочем, довольно точно: по цвету кожи вы сейчас отличите негров, ошибиться нельзя. Из этого видно, какое высокое понятие имели о неграх египтяне, в то время просвещеннейший народ мира»³⁹.

Как мы видим, мнения Е. П. Ковалевского, передового русского ученого, высказанные им в печати почти сто лет тому назад, и до сих пор не потеряли своей актуальности, ибо пережитки расистских теорий, несмотря на военный разгром фашистской Германии, и до сих пор еще имеют хождение среди некоторой части зарубежных ученых.

³⁷ Fr. Hertz. Rasse und Kultur. Leipzig, 1925.

³⁸ Е. П. Ковалевский. Указ. соч., т. II, стр. 87.

³⁹ Там же, стр. 106—108.